

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

А.В. БРУШЛИНСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ТРУДЫ**

Выдающиеся ученые Института психологии РАН

Андрей Брушлинский
**Избранные
психологические труды**

«Когито-Центр»

2006

Брушлинский А. В.

Избранные психологические труды / А. В. Брушлинский —
«Когито-Центр», 2006 — (Выдающиеся ученые Института
психологии РАН)

ISBN 5-9270-0091-6

В книге представлена эволюция научного мировоззрения выдающегося российского психолога А. В. Брушлинского: от разработки теории мышления как прогнозирования, исследования фундаментальных вопросов соотношения природного и социального в детерминации психики к важнейшим проблемам методологии и истории психологии. Описан новый вариант системного подхода – континуально-генетический (недизъюнктивный) метод исследования человека как субъекта деятельности и собственного бытия. На основе этого метода разработано оригинальное научное направление – психология субъекта. В книге субъект проанализирован как созидатель своего бытия и результат целостного видения человека в единстве его природного, социального и духовного начал. Показано, что гуманистичность психологической науки проявляется в исследовании вершинных проявлений психологии субъекта – духовности, нравственности, свободы, ответственности. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

ISBN 5-9270-0091-6

© Брушлинский А. В., 2006
© Когито-Центр, 2006

Содержание

А. В. Брушлинский – ученый и организатор науки	6
Предисловие	15
Раздел 1	18
Культурно-историческая теория мышления	18
§ 1. Некоторые основные принципы «культурно-исторической» теории	18
§ 2. Развитие экспериментально образованных, искусственных понятий	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

А. В. Брушлинский

Избранные психологические труды

Редакционная коллегия

А. Л. Журавлев (ответственный редактор), *К. А. Абульханова-Славская*, *В. В. Знаков*, *В. А. Кольцова*, *В. А. Лекторский*, *Т. К. Мелешко-Брушлинская*, *В. Н. Садовский*, *В. В. Селиванов*, *Е. А. Сергиенко*, *Н. Е. Харламенкова*

© Институт психологии Российской академии наук, 2006

А. В. Брушлинский – ученый и организатор науки

В предложенной читателю книге представлены труды А. В. Брушлинского, в которых отражен творческий путь большого ученого, посвятившего свою жизнь изучению и разработке основных, фундаментальных проблем психологии. Все его творчество проникнуто поиском внутреннего единства психической жизни человека. В качестве такого логического основания, интегрирующего все проявления человека как субъекта деятельности, общения, созерцания, духовности, нравственности, он полагает идею непрерывности (недизъюнктивности) психического. Эта идея пронизывает и связывает в единое целое основные этапы творческого пути А. В. Брушлинского: изучение мышления как процесса, анализ проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, проблем психологии субъекта.

Андрей Владимирович Брушлинский родился 4 апреля 1933 г. в семье русских интеллигентов с высокими нравственными устоями и большой тягой к знаниям. Отец, Владимир Константинович, – философ, полиглот, переводчик и интерпретатор трудов Спинозы и Гегеля. Мать, Варвара Платоновна, – историк по образованию, владела несколькими иностранными языками, целиком посвятила себя воспитанию троих детей, а затем и многочисленных внуков. Атмосфера, царившая в семье, благоприятствовала развитию природных способностей и склонностей детей.

До подросткового возраста Андрей немногим отличался от шаловливых сверстников, затем постепенно стал предпочитать веселым развлечениям углубленное чтение, в том числе и научной литературы. Не сразу выбрал профессию: хотел стать дипломатом, колебался между медициной и психологией.

Окончив с золотой медалью школу в 1951 г., он поступил на психологическое отделение философского факультета МГУ, которое окончил с отличием в 1956 г. По окончании университета он работал в секторе философских проблем психологии Института философии АН СССР, руководимом С. Л. Рубинштейном. В 1972 г. в составе этого сектора перешел в только что организованный Б. Ф. Ломовым Институт психологии АН СССР, где проработал 30 лет, сначала в качестве научного сотрудника, а затем, начиная с 1990 г. – в качестве директора, на этот пост он избирался трижды в течение 12 лет. За 2 года до избрания на пост директора он был назначен главным редактором «Психологического журнала». Возложение на него новых ответственных обязанностей высветило еще одну грань дарования Андрея Владимировича – талант организатора науки.

В 1990 г. А. В. Брушлинский был избран членом-корреспондентом АН СССР. Он являлся одним из учредителей и академиком Российской академии образования (1992) и Международной академии психологических наук (1994), академиком Международного совета научного развития, членом Европейского центра по координации исследований и документации в социальных науках («Венский центр»). Андрей Владимирович внес большой вклад в деятельность научного совета Российского гуманитарного научного фонда.

Главное содержание, дело и суть жизни А. В. Брушлинского составляло научное творчество. Вероятно, это и питало его постоянный интерес к проблемам творчества, мышления, процессам открытия нового, ранее неизвестного. Для него проблема творчества имела не узкоспециальное, а фундаментальное значение. Это определило ключевое направление всех его исследований, начиная с экспериментального изучения формирования понятия числа у дошкольников в дипломной работе и кончая его масштабными теоретическими обобщениями при разработке континуально-генетического метода и построения на его основе концепции психологии субъекта.

На свете ничего не происходит случайно. Жизненный путь Андрея Владимировича как ученого во многом определила встреча с выдающимся мыслителем, философом и психологом

С. Л. Рубинштейном, который стал не только его научным руководителем, но и образцом высоко нравственной личности. От своего учителя Андрей Владимирович унаследовал и «мужество познания», и диалектический способ мышления. Он считал, что никакие, даже самые богатые книжные знания не могут заменить живого повседневного общения, поэтому дорожил каждым часом, проведенным в обществе Учителя.

Открытый С. Л. Рубинштейном закон детерминизма: «Внешние причины действуют через внутренние условия» стал для Андрея Владимировича основополагающим методологическим принципом в изучении мышления и других психических процессов. Объект познается через включение его в новые связи и отношения (анализ через синтез). Все это создало условия для дальнейших поисков конкретных форм применения этого основного механизма мышления.

Судьба отмерила не так уж много лет для их совместной работы. После внезапной кончины Сергея Леонидовича в 1960 г. Андрею Владимировичу исполнилось всего 27 лет. Впереди были годы самостоятельной работы... По меткому образному выражению В. Т. Кудрявцева: «Всю дальнейшую жизнь А. В. Брушлинский упорно достраивал философско-психологическую Вселенную, созданную С. Л. Рубинштейном»¹. Вместе с К. А. Абульхановой-Славской он вернул жизнь делу Рубинштейна. Он «не просто уточнял, углублял и творчески развивал многообразные концепции своего учителя. Он как бы размыкал выработанные учительской мыслью понятия в открытые проблемы, высвечивая их непреходящий, вечный характер, придавал им исторически актуальное звучание и смело выдвигал новые подходы к их решению»².

Одну из таких загадок мышления античные философы выразили в форме парадокса: «Если я знаю, что я ищу, то что же мне еще искать, а если я не знаю, что я ищу, то как я могу искать?» На самом деле в процессе поиска и открытия существенно нового человек имеет дело с неизвестным, о котором он еще ничего не знает. Центральным в экспериментальных исследованиях А. В. Брушлинского становится вопрос о направленности мыслительного процесса, вопрос о том, как осуществляется поиск и нахождение нового, ранее неизвестного, что детерминирует процесс мышления, итогом которого является новое содержательное понятие, новое знание.

Разработка этой проблемы осложнялась тем, что нахождение нового, неизвестного, по наблюдению многих авторитетных мыслителей, наступает как бы внезапно. Факт внезапного решения (insight) установлен в психологии мышления, и он не подвергается сомнению. Однако оставалась проблема его объяснения.

По мнению многих исследователей мышления, решение задачи распадается на два этапа: сначала происходит нахождение принципа решения, которое осуществляется путем анализа условий задачи и соотнесения их с требованием, а затем – применение этого принципа к ее решению. Нахождение принципа есть не что иное, как применение прошлых знаний к новым условиям. Получается, что требование само по себе детерминирует решение задачи.

Новая психологическая закономерность, открытая А. В. Брушлинским заключалась в том, что требование и искомое (неизвестное) изначально не совпадают. Неизвестное не является полностью пустым местом, оно хотя бы в минимальной степени задано соотношением условий и требований задачи и все более и более определяется в ходе мышления. Если требование задачи формулируется со стороны, то искомое может сформулировать лишь сам субъект, решающий задачу. В этом состоит их существенное различие. Детерминация, направленность мышления осуществляется по мере все большего уточнения искомого, задаваемого соотношением ранее известного с прогнозируемым неизвестным путем включения объекта в

¹ Кудрявцев В. Т. Aristos. Слово о Брушлинском // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 44.

² Там же. С. 45.

новые связи и отношения. В ходе развертывания процессов мышления хотя бы в минимальной степени предвосхищается, какой именно признак познаваемого объекта будет вычленен, проанализирован и обобщен. В этом проявляется направленность, избирательность, детерминированность мышления, которая делает излишним слепой механический перебор всех или многих свойств познаваемого объекта. Именно по принципу перебора работают кибернетические машины.

Эти положения получили теоретическое и экспериментальное обоснование в кандидатской диссертации А. В. Брушлинского «Исследование направленности мыслительного процесса» (1964) и в его докладе на конференции молодых ученых «К психологии творческого процесса. Психология мышления вместо так называемой эвристики» (1967), где он продемонстрировал свою научную принципиальность, утверждая специфичность мышления человека и невозможность его замены «думающими машинами». Все это происходило в период повального увлечения кибернетикой, и выступить с подобными идеями означало идти против течения. Вслед за этим была опубликована монография «Психология и кибернетика» (1970). Свою способность выступать от первого лица вопреки мнению большинства, отстаивая свои научные принципы, Андрей Владимирович проявлял неоднократно.

В экспериментальных исследованиях направленности мыслительного процесса имплицитно уже присутствовала идея недизъюнктивности, которая в дальнейшем оформилась в континуально-генетическую концепцию. Принцип непрерывности развития реализуется в диалектике прошлого, настоящего и будущего: «Прошлое, прошлый опыт мышления существует не как «вещь» абсолютно неизменная, а как процесс, нечто динамичное, изменяющееся, избирательно используемое по мере его включения в дальнейший ход мышления. Влияние настоящего на прошлое – это, в частности, преобразование низшего (прошлого) в составе высшего (настоящего), характерное для всякого развития. Возможно, что чем «больше» настоящее оказывает обратное влияние на прошлое мышление, тем «более» творческим является процесс. Вероятно, это может быть одним из критериев творчества (мышления как процесса). Тогда открываются и некоторые условия для понимания того, как в ходе мыслительного процесса будущее – через «механизм» мысленного предвосхищения – влияет на настоящее, на протекающие в данный момент стадии познавательного процесса»³.

В 1969 г. он напишет в своем дневнике: «При всей своей инсайтности мышление сохраняет преемственность в процессе своего функционирования – развития. Даже небольшой, но чуть новый поворот объекта – это громадный труд для мышления и единственный источник подлинного творчества».

Особое внимание привлекает к себе запись в рабочем дневнике Андрея Владимировича, сделанная в 1972 г. после прочтения им «Науки логики» Гегеля: «В силу изменчивости, динамики, вообще развития различные стадии, элементы процесса мышления постоянно «заходят» друг на друга... Иначе невозможна преемственность процесса, развитие. Такое наложение, «слипание» и т. д. означает отсутствие дизъюнктивности... Единственно возможный способ мышления в отсутствии дизъюнктивности – это анализ через синтез!!!

С этим связано всеобщее и обязательное опосредование всего и вся (великим мастером которого был Гегель), постоянное возникновение новых противоречий и т. д.»

Не вызывает сомнения, что благодатная почва для исследования идей великого основателя диалектической логики была подготовлена всем ходом предшествующих исследований и размышлений Андрея Владимировича. А наличие трех восклицательных знаков в приведенном тексте является показателем того, что для самого автора этот вывод стал открытием, выступившем в форме «немгновенного инсайта». Понятие «анализ через синтез» включается

³ Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб: Алетей, 2003. С. 235.

в более широкий контекст и становится универсальным «механизмом» континуально-генетической логики, обеспечивающим непрерывность психического развития.

Гегелевская «подсказка» сработала как раз в тот момент, когда исследователь уже внутренне был готов всем ходом предшествующих размышлений и обобщений ее принять. Таким образом, была в очередной раз подтверждена на практике закономерность, касающаяся актуализации знаний в процессе мышления, установленная много лет назад в экспериментах К. А. Славской⁴.

Впоследствии, развивая эту идею, Андрей Владимирович переформулирует ее в виде парадокса. Помощь не в состоянии принять как раз тот, кто больше всего в ней нуждается. «Помощь действует не прямо, а только опосредованно, через внутренние условия того, кому она оказывается, и лишь только в меру этой собственной активности может быть использована»⁵.

Окончательному оформлению континуально-генетической теории предшествовал длительный период экспериментальных исследований мыслительного процесса с применением разработанного Брушлинским метода «микросемантического анализа» протоколов испытуемых. Теоретическое и экспериментальное обоснование концепции было осуществлено в его докторской диссертации «Психологический анализ мышления как прогнозирования (континуально-генетическая теория мышления)» (1977) и в монографии «Мышление и прогнозирование» (1979). В этих трудах мыслительный процесс предстает как «творчески развивающееся понятийное обобщение, по своей природе конструктивное, не просто облекающее в новую форму готовое знание, а насыщающее его новым содержанием и смыслом»⁶.

Микросемантический анализ материалов исследования позволил выявить мельчайшие нюансы, повороты мысли испытуемых в процессе решения задач и проследить диалектику прошлого, настоящего и будущего в актуальном процессе мышления. Включаясь в новые связи и отношения, прошлые знания преобразуются в новые, и это открытое новое становится основанием для прогнозирования будущего и дальнейшего движения вперед, основанием дальнейшего развития. «Поскольку тот же самый объект включается в новую систему отношений, сохраняется и развивается преемственность в его познании. Поскольку в новых связях он выступает в новом качестве, осуществляется переход на следующий, более высокий уровень мышления, вырастающий из предыдущего и, вместе с тем, качественно от него отличающийся. Так на основе анализа через синтез обеспечивается взаимосвязь со всеми предшествующими этапами психического процесса и одновременно выход за их пределы... Реализуемая этим «механизмом» непрерывная преемственность всех стадий и компонентов мыслительного процесса означает, что никогда не появляется абсолютно нового предмета познавательной деятельности, вовсе не имеющего внутренних, специфических связей с чем-то уже известным и познанным»⁷.

Мышление непрерывно, даже на завершающей стадии процесса сохраняется «зазор» между задуманным и сделанным. Полученный результат мыслительного процесса является основанием для дальнейшего его развития.

Мыслительный процесс всегда является содержательным (а не только формально-динамическим). Это анализ, синтез и обобщение субъектом чего-то, какого-либо содержания. Не операции порождают мышление, а мышление как процесс порождает операции. Операционный аспект мышления необходим, но недостаточен для понимания сущности мышления, он входит в состав более широкого процессуального контекста. «Процессуальное означает: 1) пре-

⁴ Славская К. А. Процесс мышления и использование знаний // Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. М., 1960. С. 5–48.

⁵ Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя., 2003. С. 72.

⁶ Кудрявцев В. Т. Aristos. Слово о Брушлинском // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 47.

⁷ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979. С. 209.

дельно пластичное, 2) непрерывное и 3) первичное по отношению к любой системе интеллектуальных операций и умственных действий...»⁸

Мышление как живой процесс непрерывно формируется и развивается субъектом, никогда не становясь полностью завершенным. Вот почему такой процесс опережает любую его формализацию. При всей важности тестов они не раскрывают психическое как процесс, но четко фиксируют его результат. «Более того, тесты интеллекта во многих случаях характеризуют определенный уровень не столько мышления, сколько знания, а потому часто парадоксальным образом противоречат показаниям тестов, диагностирующих креативность. Проводимые теперь на высоком уровне научности психометрические исследования интеллекта необходимы, но недостаточны для изучения мышления как деятельности и как процесса».

Непрерывность психического как процесса обеспечивается постоянным взаимодействием осознанных и неосознанных его компонентов. Это положение нашло свое отражение в понятии «немгновенного инсайта», экспериментально раскрытого А. В. Брушлинским с помощью метода микросемантического анализа. В классической трактовке мышления резко разграничены его сознательный и бессознательный компоненты. Основное значение придавалось мгновенному выходу бессознательного в сознание. Брушлинский показал, что инсайт может протекать более длительно, и нет резкой грани между осознанными и неосознанными фазами мышления. Каким бы внезапным решение ни казалось, ему предшествует более или менее длительный процесс развития мысли.

Цикл его исследований процесса мышления заключают следующие выводы: «Таким образом, в общем итоге недизъюнктивная континуально-генетическая природа мышления в целом означает (1) высший уровень непрерывности, динамичности, взаимопревращений всех стадий и компонентов живого, реального психического процесса; (2) строго определенную, постепенно и скачкообразно формирующуюся направленность всего процесса, образующуюся на основе мысленного прогнозирования искомого и исключаящую дизъюнктивную ситуацию выбора альтернатив; (3) необратимость мыслительной деятельности в целом (не отрицающую, а наоборот, предполагающую обратимость некоторых из компонентов этой деятельности – входящих в ее состав умственных операций)»⁹.

Далее он делает более общий вывод: «Наиболее глубокая сущность любого процесса может быть раскрыта лишь при условии, что он исследуется в развитии. Так сливаются в едином методе исследования генетичность и континуальность (непрерывность) и поэтому недизъюнктивный подход, основанный на диалектической логике, закономерно является континуально-генетическим»¹⁰.

Выделив в мыслительном процессе основные признаки психического: недизъюнктивность, развитие и целостность, А. В. Брушлинский показал, что разработанный им континуально-генетический подход распространяется на другие психические процессы и служит одним из методологических оснований системного исследования психики человека.

Следующий этап в творчестве Брушлинского связан с переосмыслением с позиций континуально-генетической логики (представляющий собой диалектическую логику в ее развитии) основных классических проблем психологии: соотношения биологического и социального, психического и физиологического, сознательного и бессознательного, материального и идеального и т. д.

Рассмотрение этих проблем с позиций континуально-генетической (а не формальной) логики привело к преодолению и снятию прочно укоренившихся в психологии дихотомий этих понятий.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же. С. 217.

¹⁰ Там же. С. 216.

Так, в исследовании проблемы биологического и социального «в зародыше уже содержалась вся линия развития субъектно-деятельностного подхода и контура психологии субъекта»¹¹.

В самом предмете психологии человека природное и социальное онтологически нераздельны, т. е. недизъюнктивны. «Иначе говоря, на любом этапе развития психики человека природное и социальное едины и неотделимы друг от друга: в ней нет ничего, что было бы только природным (а не социальным), или только социальным (но не природным). Это относится и к высшим уровням духовного развития личности (вопреки широко распространенной теперь точке зрения, отрицающей или умаляющей роль природного в данном случае)...

Эта уникальная целостность природного и социального, составляющая сущность человека и его психики, возникла в ходе антропогенеза и социогенеза и развивается дальше в процессе истории человечества и жизненного пути каждой личности»¹².

Любой человеческий индивид и его психика изначально всегда социальны. Новорожденный младенец и маленький ребенок не проходят в своем развитии вначале натуральную, несоциальную стадию с тем, чтобы потом перейти на культурную, социальную стадию.

Проблему соотношения психического и физиологического А. В. Брушлинский рассматривал как более частную, включенную в более широкую проблематику биологического и социального. На протяжении многих лет эта проблема решалась с позиций параллелизма и взаимодействия: она реализовывалась в попытках установить отношения изоморфизма между психическими и физиологическими явлениями. Возможность преодоления подобного дуализма Брушлинский видел в рассмотрении этого соотношения с позиций континуально-генетического подхода. Психика человека всегда и функция мозга, и неразрывная взаимосвязь с внешним миром. Мозг – лишь орган, а не источник психической деятельности. Психическое и физиологическое неразрывны, но различны. Взаимоотношения между ними иерархичны. «Психическое подчиняется специфическим закономерностям (раскрываемым психологией) и в то же время на него распространяются вопреки дуализму все закономерности нижележащих областей: физиологических, физико-химических и т. д. На основе такого монизма объективно определяется гуманистический статус психологии (по отношению к физиологии, биохимии, биофизике и т. д.) и ее участие в построении общей картины мира»¹³.

Непрерывность (континуальность) психического всегда формируется и реализуется одновременно на разных, но взаимосвязанных уровнях осознанного и неосознанного. Их соотношение изначально является недизъюнктивным. Здесь не действует закон «Все или ничего», поскольку в любом психическом процессе всегда есть что-то осознанное и вместе с тем нечто неосознанное. Открытие нового в процессе мышления осуществляется одновременно на всех уровнях осознанного и неосознанного, а не таким образом, что сначала оно происходит на бессознательном уровне, а затем вторично переводится на уровень сознания. Аналогичные соотношения характеризуют не только мышление, но и вообще любой другой психический процесс. «Такая непрерывная взаимосвязь и взаимопереход между осознанным и неосознанным представляет собой один из важнейших механизмов преемственности всего психического»¹⁴.

Континуально-генетический метод позволил по-новому подойти к рассмотрению фундаментальной проблемы детерминизма, существующей в форме классической дилеммы: «Бытие определяет сознание или сознание определяет бытие?» В своей последней книге «Психология

¹¹ Знаков В. В. А. В. Брушлинский: верность традициям и эволюция научных взглядов // Творческое наследие А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова и современная психология мышления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 19.

¹² Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя., 2003. С. 48.

¹³ Брушлинский А. В. Психология субъекта. Программа учебного курса. М., 1998. С. 7.

¹⁴ Брушлинский А. В. Субъект, мышление, учение, воображение. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. С. 316.

субъекта» Андрей Владимирович обозначил путь, преодолевающий дихотомию этих категорий: «Не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю»¹⁵.

А. В. Брушлинский рассматривал континуально-генетический подход как один из вариантов реализации системного метода. Он специально подчеркивал, что наиболее сложные системные качества объекта являются недизъюнктивными. Вместе с тем он подчеркивал, что многие психологии не учитывают принципиальную разницу между дизъюнктивными и недизъюнктивными системами, поскольку и те, и другие обозначаются как «целостные». Системный подход должен быть значительно специфицирован применительно к анализу человеческой психики.

На основе этих принципов он приступил к разработке новой трактовки психологии субъекта. Решению этой проблемы он посвятил последнее десятилетие своей жизни. В предисловии к последней книге А. В. Брушлинского «Психология субъекта» В. В. Знаков отмечает: «В психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований»¹⁶.

Суть и новизна философской концепции С. Л. Рубинштейна заключается в том, что он впервые включил понятие субъекта в онтологическое исследование человеческого бытия, особо подчеркнув факт взаимодействия познающего с познаваемым (внешние причины действуют через внутренние условия). Лишь с появлением человека бытие начинает выступать в новом качестве объекта, который может существовать только во взаимодействии с субъектом.

В интерпретации Брушлинского понятие «субъект» объединяет все стороны бытия человека в неразрывное единство. Как и во всех предыдущих исследованиях, Брушлинский и здесь исходит из основных положений субъектно-деятельностной теории Рубинштейна, развивая ее и поднимая до уровня проблем современной науки. «Субъект – это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность всех его качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т. д.»¹⁷. «Субъект это не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные психические свойства, виды активности и т. д., а сами люди – деятельные, общающиеся... Человек и его психика не две системы, а одна единая система. Целостность, единство, интегральность субъекта есть основание для системности всех его психических качеств, часто весьма противоречивых и трудносовместимых. Этот онтологический план определяет гносеологическую основу психологической науки, т. е. разработка психологии субъекта (индивидуального и группового) и есть общий путь к установлению единства этой науки, в частности, к преодолению ее раскола на естественнонаучную и гуманитарную ее ветви»¹⁸.

А. В. Брушлинский сделал принципиально новый шаг в развитии субъектно-деятельностной концепции. В его трудах расширено представление о содержании активности как фактора детерминации психики. Брушлинский рассматривает активность субъекта с системных позиций, тщательно анализируя ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Он показал в своих экспериментальных исследованиях, что сознательная и бессознательная активность на уровне психического как процесса является способом развития субъекта.

Андрей Владимирович проявлял интерес не только к микросемантическому, но и к макроаналитическому способу познания, что позволило ему по-настоящему подойти к рассмотре-

¹⁵ Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя., 2003. С. 211.

¹⁶ Знаков В. В. Слово об Ученем и Учителе // Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003. С. 15.

¹⁷ Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003. С. 22.

¹⁸ Брушлинский А. В. Психология субъекта. Программа учебного курса. М., 1998. С. 6.

нию фундаментальных проблем психологии с позиций разработанной им континуально-генетической теории.

С методологической точки зрения можно утверждать, что А. В. Брушлинский разрабатывал психологию субъекта как системную область психологического знания. На уровне конкретных исследований, представленных в его публикациях, это проявилось в выделении структурного, динамического и регулятивного планов анализа психологии субъекта.

Методологическим основанием целостности субъекта является разработанная А. В. Брушлинским континуально-генетическая теория, материалом которой послужила процессуальная реальность психики.

Поскольку понятия «субъект-объект» являются парными и не существуют в отдельности, существенным критерием субъекта является наличие познаваемого объекта (в отличие от стимула, раздражителя и т. д.).

Первоначально Андрей Владимирович относил становление субъекта к 7–10-летнему возрасту, когда ребенок овладевает простыми понятиями, в которых он начинает раскрывать существенные свойства и отношения объекта. Но затем, опираясь на данные онтогенетических исследований Е. А. Сергиенко, он начинает относить становление субъекта к более раннему возрасту, к периоду появления первых слов, когда ребенок начинает выделять в окружающем мире не только стимулы, но и познавательные объекты. Существенным критерием последних является их осознанность, наличие познавательного отношения как признака субъектности¹⁹.

В. В. Селиванов в рецензии на последнюю книгу А. В. Брушлинского подчеркивает: «Таким образом, гносеологическое отношение между субъектом и объектом, их неразрывная взаимосвязь, невозможность существования одного без другого, вероятно, становится для автора важнейшей онтологической характеристикой субъекта. Сближение «парных» противоречащих друг другу философских категорий на основе континуально-генетической логики позволило Брушлинскому предвидеть и обосновать начало новой субъектной парадигмы. Здесь субъект, наделенный сознанием и формирующий деятельность (но не сознание или деятельность), является фокусом, концентрацией эмоционального и аффективного, сознательного и неосознанного, общественного и индивидуального, материального и идеального и т. д.»²⁰

Проблема детерминации психики субъекта рассматривается прежде всего как саморазвитие, саморегуляция. Она осуществляется и на высших уровнях бытия людей, таких, как свобода, совесть, теоретическое мышление, социальные представления и т. д. Поэтому универсальный механизм саморегуляции – обратная связь, общий для животных, людей и технических систем, хотя и необходим, но недостаточен, а значит, и неспецифичен для детерминации субъекта.

Проследив эволюцию взглядов Брушлинского, В. В. Знаков подчеркнул следующее: «С каждым годом для него все более значительным и интересным становились закономерности формирования вершинных проявлений психологии субъекта – духовности, нравственности, свободы, гуманизма. Он считал, что гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, с духовной деятельностью человека»²¹. Соответственно он все чаще задумывался о сходстве и различии субъектно-деятельностного подхода и гуманистической психологии.

А. В. Брушлинский намечает путь к преодолению парадокса, сформулированного А. Маслоу – противоречия между Бытием и Становлением, между сущим и должным. Путь к

¹⁹ Сергиенко Е. А. Становление субъекта: неоконченная дискуссия // Психологический журнал. 2003. Т.24. № 2. С. 114–120.

²⁰ Селиванов В. В. Континуально-генетическая логика в исследовании теоретических, методологических проблем психологии // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 139.

²¹ Знаков В. В. А. В. Брушлинский: верность традициям и эволюция научных взглядов // Творческое наследие А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова и современная психология мышления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 17–23.

разрешению этого парадокса Андрей Владимирович видел в недизъюнктивном по своей природе психическом развитии субъекта, когда познавательное суждение для субъекта оказывается совпадающим с ценностным суждением, сущее совпадает с должным и факт становится ценностью. Точки зрения двух мыслителей близко соприкасаются, когда А. Маслоу²² говорит о том, что приверженность такой духовной ценности, как истина (например, служение науке), снимает противоречие таких категорий, как эгоизм и альтруизм, а Брушлинский утверждает, что не существует общественных интересов, помимо личных, что общественные интересы суть так же и личные, и постановка вопроса о подчинении личных интересов общественным в принципе неверна.

Андрей Владимирович планировал написать развернутую статью, посвященную анализу творчества А. Маслоу, но этому замыслу не суждено было осуществиться...

Андрей Владимирович внезапно ушел от нас тогда, когда был на взлете, пике творческой активности. Он многое мог бы еще сделать, но теперь нам остается только вчитываться и вдумываться в его творческое наследие!

Он с неизменным оптимизмом относился к перспективам психологической науки, верил в ее светлое будущее.

В одной из статей, посвященной памяти А. В. Брушлинского, приведен фрагмент его последнего выступления на V Всероссийской конференции Российского психологического общества: «XX век был веком физики, с середины и к концу XX века наступил, конечно, век биологии. Мне кажется, что придет время и настанет век самой главной и великой науки – психологии, потому что она раскрывает, изучает развитие человека... Надо знать нелюбовь Андрея Владимировича к громким фразам, чтобы понять, что в этих словах нашла образное выражение широкая программа, осуществление которой он считал делом своей жизни»²³.

Эти слова свидетельствуют о перспективности намеченного А. В. Брушлинским пути развития психологической науки.

Подобно тому, как творческий путь, пройденный Андреем Владимировичем, постоянно подтверждал открытые им закономерности мышления, точно так же всем своим поведением в жизни и науке, всеми своими поступками он утверждал и подтверждал основные принципы психологии субъекта, развитые в его последней монографии. Постоянно подчеркивая «как важно быть субъектом», он сам, как никто другой, был его живым воплощением в самом высоком смысле этого понятия.

Континуально-генетическая теория А. В. Брушлинского сформировалась в ходе экспериментального исследования закономерностей протекания живого мыслительного процесса. Ее источником послужила недизъюнктивная, непрерывная процессуальная реальность психики.

Развитие теории шло по пути ее постоянного усложнения и обобщения при решении основных, фундаментальных проблем психологии, в том числе – изучения вершинных форм поведения с позиций психологии субъекта, целостность и системность которой основывается на принципах континуально-генетического подхода.

Показателем подлинной ценности любого произведения науки, искусства, культуры является его неоднократное возрождение в разных толкованиях и прочтениях. Многие концептуальные положения А. В. Брушлинского уже нашли свое применение, их продолжают теоретически и экспериментально развивать его ученики и последователи. Однако еще больше в его наследии предстоит прояснить, осознать, истолковать...

А. Л. Журавлев

Т. К. Мелешко-Брушлинская

²² Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999. С. 190.

²³ Ферсман А. Е. Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. V. С. 805.

Предисловие

Предложенный читателю сборник избранных трудов А. В. Брушлинского строится не по хронологическому принципу, отражающему временную последовательность публикаций тех или иных работ. Принцип его построения раскрывает логику научных исканий, эволюцию взглядов ученого в процессе творческого осмысления основных положений концепции психологии субъекта, ядром которой является континуально-генетический метод. С каждой работой он продвигался в реализации континуально-генетического подхода, применяя его уже к вершинным проявлениям человеческой психологии – психологии субъекта как создателя собственного бытия. В трудах А. В. Брушлинского, собранных в данной книге, логика научного поиска, трансформация идей, кристаллизация теории психологии субъекта выступает с особой отчетливостью.

В раздел I «**Социальная и биологическая детерминация психического развития человека**» входят четыре работы, которые остаются актуальными и в наше время. Актуальность данных работ состоит в глубоком анализе рассматриваемых проблем, в точном и тонком проникновении в идеи, деликатном изложении теорий и гипотез других авторов, в высокой культуре научного мышления и научной речи. Образцом для науки и научного сообщества служит стиль его критического отношения к взглядам и гипотезам других авторов. Каким глубоким уважением и скрупулезными доказательствами эта критика пронизана! Он разбирает критические замечания в свой адрес и отвечает на них. Читателю становится понятней, почему А. В. Брушлинский играл такую консолидирующую роль в отечественном психологическом сообществе. Здесь уместно напомнить высказывание В. В. Давыдова, критика работ которого содержится в данном разделе. Это высказывание приводит в предисловии к последнему труду А. В. Брушлинского «Психология субъекта» В. В. Знаков (2002, с. 11): «Широта научного кругозора и большая эрудиция, прямо-таки вулканический творческий темперамент, полемический задор и вместе с тем умение спокойно, последовательно, многосторонне разобраться в той или иной сложной проблеме, беспредельная преданность друзьям, трогательная забота о своих учениках и жесткая непреступность по отношению к тем, кого он считал своими врагами, искренняя заинтересованность в нерасторжимом единстве психологической науки и педагогической практики – вот лишь некоторые и очень разные штрихи к портрету этого замечательного человека и ученого».

Особенно хотелось бы подчеркнуть, что в работах А. В. Брушлинского ясно проявляется универсальность его континуально-генетического подхода как в создании собственных научных исследований и теорий, так и при анализе работ других авторов. Он показывает генезис взглядов ученых. Так, подробно раскрываются истоки, предшествующие становлению культурно-исторической теории Выготского (идеи Жанэ, Пиаже, Болдуина, Басова и др.), а также постепенная трансформация идеи культурно-исторического знака, в большей степени формалистического, к несущему значение, а затем и смысл. Он прослеживает генезис взглядов В. В. Давыдова, ориентированных на леонтьевско-гальперинскую школу, а затем их постепенное движение к культурно-исторической теории Л. С. Выготского. А. В. Брушлинский, анализируя подобные изменения представлений в теории В. В. Давыдова, подчеркивает принципиальное различие школы деятельности А. Н. Леонтьева и школы Л. С. Выготского в понимании природы психического, процесса интериоризации, а следовательно, и роли обучения в психическом развитии человека. Это обстоятельство делает невозможным соединение представлений двух указанных направлений, а следовательно, и невозможность непротиворечивого перехода от содержания категорий одного подхода к другому; такой переход представлен в трудах В. В. Давыдова.

А. В. Брушлинский, применяя принцип исторической континуальности, показывает изменения содержания психологических категорий (например, способностей человека), континуального поля научного мышления, в котором кристаллизуются новые направления и решения, включающие всю историю развития науки, самые продуктивные идеи. Именно благодаря подобному филигранному анализу идей С. Л. Рубинштейна, они стали современным направлением отечественной психологии. Удивительно, что идеи непрерывности, континуальности психического развития, исторической обусловленности более сложных форм простыми, поздних уровней – ранними составляют сейчас основополагающий принцип в самой распространенной современной теории развития – теории динамических систем Э. Телен и Л. Смит (Telen, Smith, 1994, 1998)²⁴, разработке которой посвящены многочисленные экспериментальные исследования и тысячи теоретических статей. Таким образом, разработка А. В. Брушлинским континуально-генетического принципа, принципов единства внешнего и внутреннего, биологического и социального предвосхитила самые современные решения в психологии.

Раздел II «**Мышление и творчество: процесс, деятельность, общение**» состоит из шести работ А. В. Брушлинского. В них ярко видно зарождение идеи непрерывности, континуальности в ходе исследования закономерностей мыслительного процесса. Начиная с разработки идей теории деятельности С. Л. Рубинштейна, автор раскрывает логику философских и психологических исканий своего учителя и обосновывает становление деятельностно-процессуального подхода к изучению мышления. Андрей Владимирович создает и экспериментально реализует континуально-генетический метод исследования мышления как процесса, показывает микрогенез этапов поиска решения, через их микро-семантический анализ, непрерывное взаимодействие и взаимосвязь этапов, роль прогнозирования и обратной связи в нахождении решения, принципиальную континуальность мышления как процесса. Рассматривая детерминанты мышления, он также раскрывает роль общения и личности, анализируя их как соотношение индивидуального и общего, личного и общественного, субъективного и объективного. Диалектично автор решает вопрос и о возможности математизации психологии. Выделяя дизъюнктивные и недизъюнктивные составляющие психологического знания, автор приводит доказательства возможности математического описания только его дизъюнктивной составляющей.

В раздел III «**Психология субъекта – психология созидания**» входят четыре работы, которые посвящены основным положениям теории психологии субъекта. Эти работы непосредственно предшествовали созданию последней монографии А. В. Брушлинского «Психология субъекта». В них он уточнял и развивал различные аспекты психологии субъекта. Психология субъекта, ставшая вершиной субъектно-деятельностного подхода, вобрала в себя фундаментальные проблемы нашей науки: биологические и социальные детерминанты развития, сознательное и бессознательное, индивидуальное и общественное, субъективное и объективное и мн. др. Решения кардинальных проблем психологии с позиций психологии субъекта отражает эволюцию взглядов Ученого, новый этап его поисков. Принципиальная новизна психологии субъекта состоит, во-первых, в переносе континуально-генетического принципа микросемантического анализа на макроаналитическое познание психического. Во-вторых, в значительном расширении представлений о содержании активности как детерминирующего фактора и, в-третьих, в системном характере исследования динамической, структурной и регулятивной сторон психологии субъекта.

В разделе IV «**Нравственность, духовность, гуманизм**», состоящем из пяти работ, А. В. Брушлинский поднимает методологически сложный вопрос о соотношении психического и нравственного, обращаясь к проблемам мировоззрения, интеллектуального и нравственного

²⁴ Thelen E., Smith L. A. Dynamic systems approach to the development of cognition and action. Cambridge, MA: MIT Press, 1994; Thelen E., Smith L. Dynamic systems theories. // Theoretical models of human development. Handbook of child psychology: V.1. N.Y.: Wiley. 1998.

потенциала личности. Показано, что уже в исходных основаниях психологической науки заложена ее органическая связь с этикой, и именно поэтому любое психическое явление содержит в себе оценочный, а значит, и моральный аспект. Раскрывая специфику нравственного поведения субъекта, автор обосновывает положение о том, что оно не сводимо к простому выбору из ряда альтернативных суждений. По существу, это не выбор, а размышление субъекта над этическими проблемами, которое должно пониматься именно как *процесс* решения моральных задач, а не результат этого выбора.

Обсуждение проблем психологии и этики приводит к выделению ряда дискуссионных вопросов, в частности, к вопросу о толковании личности как особого психологического инструмента, которым оперирует социум. Выступая против такой трактовки личности, А. В. Брушлинский отмечает, что многообразные, в том числе и этические, отношения возникают вследствие того, что человек объективно выступает в разных, но взаимосвязанных качествах, т. е. как субъект, как личность, как организм и т. д. Он творит свою историю, выполняя не инструментальную, а созидательную, продуктивную миссию в обществе.

Сравнительный анализ теорий С. Л. Франка и С. Л. Рубинштейна, работы которых были реакцией на кризис психологии начала XX в., крайне актуален для современной науки. Брушлинский показывает, что одна и та же проблема может быть решена существенно по-разному, и эти различия доказывают сложность, многогранность и системность предмета психологии, рождая дискуссию, об основании для развития научной мысли. Трактую психическое как важнейшее качество субъекта, включенного в бытие, отстаивая идею «монизма» духовного и материального, душевного и телесного, оба ученых (но каждый по-своему) показали исходно целостный, неразложимый на отдельные фрагменты характер внутреннего мира человека.

В целом утверждается, что неразрывное единство природного и социального в человеке, его активность как субъекта собственной жизни, творческий, продуктивный характер деятельности являются основой понимания гуманистической направленности психологии, ценность которой не утрачена и поныне.

В заключение хотелось бы повторить высказывание академика А. Е. Ферсмана, ученика В. И. Вернадского, которое приводит в своей работе А. В. Брушлинский, оно в полной мере может быть отнесено и к его наследию. «Десятилетиями, целыми столетиями будут изучаться и углубляться его гениальные идеи, а в трудах его – открываться новые страницы, служащие источником новых исканий; многим исследователям придется учиться его острой, упорной и отчеканенной, всегда гениальной, но трудно понимаемой творческой мысли»²⁵.

Редакционная коллегия

²⁵ Такое разделение явно или неявно предполагает, что субъектом может быть лишь индивид, а не человечество в целом и не различные общности людей.

Раздел 1

Социальная и биологическая детерминация психического развития человека

Культурно-историческая теория мышления

М.: Высшая школа, 1968

Социально-исторический подход к исследованию человеческой психики давно и прочно утвердился в советской психологической науке. Еще на рубеже 20–30-ых годов – прежде всего в работах Л. С. Выготского – началось систематическое изучение *социальной* природы человеческой психики. В 30-ые годы – в исследованиях С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова, Б. М. Теплова, Д. Н. Узнадзе и др. – было начато психологическое изучение человеческой *деятельности* в ее социально-исторической обусловленности (например, Смирнов, 1966; Петровский, 1967). В ходе этих и последующих исследований осуществлено действительное (а не декларативное лишь) построение психологической науки на основе диалектического материализма.

В советской психологии к настоящему времени социально-историческая природа человеческой психики наиболее систематически и детально изучена именно в работах Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна. Оба этих исследователя принадлежат к числу ведущих и самых известных советских психологов. Оба они создали свои школы и направления в психологической науке. Анализ и сопоставление друг с другом разработанных ими концепций психического очень актуальны. Не только для психологии, но и для философии, логики и социологии. В нашей книге мы и попытаемся осуществить такой философско-психологический анализ. Как теория Л. С. Выготского, так и теория С. Л. Рубинштейна наиболее тщательно, разработаны, прежде всего, на богатом экспериментальном материале психологии мышления. Преимущественно в этом аспекте мы и будем рассматривать обе концепции. Сначала обратимся к первой из них (см. § § 1–3), потом сопоставим ее со второй теорией и наметим в результате некоторые позитивные выводы, а наш взгляд, особенно существенные для дальнейшего раскрытия социальности человеческой психики (см. § § 4–5).

§ 1. Некоторые основные принципы «культурно-исторической» теории

Развитая Л. С. Выготским и его учениками теория называется культурно-исторической теорией «высших» психических функций (Выготский, 1956). Она стремится раскрыть специфику психического развития человека, в частности, развития его мышления. За последнее время она привлекает к себе всё большее внимание психологов, философов, социологов и т. д. (Тихомиров, 1961; Леонтьев, 1964; Лурия, 1964).

Диапазон научных интересов Л. С. Выготского – исключительно широк: от психологии животных до психологии искусства. И в разработку каждой – интересующей его психологической проблемы, он стремился внести что-то новое, что-то свое, опираясь на все современные ему научные достижения. «Внесение в советскую психологическую науку исторического подхода к развитию психических процессов человека, борьба за создание конкретно-психологической теории сознания и в связи с этим углубленное экспериментальное изучение развития понятий у детей, разработка сложного вопроса о соотношении обучения и умственного разви-

тия ребенка – таков был вклад» Л. С. Выготского в советскую психологию (Леонтьев, Лурия, Выготский, 1956, с. 4).

Исследование мышления, как и всех других психических функций (речи, внимания, памяти и т. д.), осуществлялось Л. С. Выготским с точки зрения развиваемой им «культурно-исторической» теории, стремящейся учесть специфику человеческой психики. Чтобы понять, как он ставил и решал проблемы мышления. Необходимо, значит, хотя бы вкратце рассмотреть те из аспектов этой теории, которые больше других определили всю его работу в области психологии познавательных процессов.

В своей «культурно-исторической» теории Л. С. Выготский стремится раскрыть социальную природу «высших» (т. е. специфически человеческих) психических, точнее, психологических функций. Л. С. Выготский своеобразно, но принципиально различал психические и психологические процессы, однако в данном случае этим можно пренебречь. Он пытается, прежде всего, выяснить *соотношение социального* (культурного, «высшего») *и биологического* (натурального, «низшего», элементарного, примитивного) в психическом развитии человека – главным образом на материале детской и частично «исторической» психологии, т. е. в генетическом аспекте (Выготский, 1930).

Эта проблема – сама по себе – не была новой уже в то время. Она, как известно, стала центральной, например, для психологической концепции французской социологической школы и для примыкавших к ней психологов (Ж. Пиаже и др.), а также для П. Жанэ. Например, основная идея П. Жанэ заключалась в том, что специфически человеческие психические функции возникли в результате перенесения индивидом на самого себя тех форм социального поведения, которые первоначально выработались в его отношениях к другим людям (так, размышление есть спор, внутренняя дискуссия с самим собой).

Однако разработка и этих вопросов сплошь и рядом заходила в тупик либо натурализма (К. Бюлер и др.), либо спиритуализма (например, Э. Шпрангер), что вызывало резкую критику, в частности, и со стороны Л. С. Выготского. У исследователей детского мышления (В. Штерн, К. Бюлер, Ж. Пиаже и др.) идеализм в трактовке природы мышления соединялся с биологизмом в понимании движущих сил его развития.

В советской психологии с первых же лет ее зарождения в начале 20-х годов историческая, социальная обусловленность человеческой психики почти всеми – в общей форме – признавалась бесспорной (К. Н. Корнилов, П. П. Блонский, М. Я. Басов и др.). Например, П. П. Блонский полагал, что поведение может быть понято только как история поведения. Однако реализация этого общего положения – обычно лишь в разрозненных, несистематических исследованиях (особенно в области детской психологии) – постоянно наталкивалась на огромные трудности и была связана с большими ошибками. Вот, например, как сам Л. С. Выготский оценивает результаты работ М. Я. Басова: «...Басов выдвинул понимание человека как активного деятеля в окружающей среде, противопоставляя его поведение пассивным формам приспособления, свойственным животным... Однако и этот автор, наиболее близко подошедший к проблеме специфического в человеческом поведении, не приходит в своих исследованиях к сколько-нибудь отчетливым разграничениям активной и пассивной формы приспособления» (Выготский, 1960, с. 165).

Заслуга Л. С. Выготского состоит, прежде всего, в том, что он *впервые* в советской психологии начал *систематическую* и детальную разработку важнейшей проблемы соотношения социального и биологического (органического) в психическом развитии человека, проблемы общественно-исторической обусловленности человеческой психики. Все основные его исследования (примерно после 1927 года, когда он постепенно оставляет бихевиористские позиции) проникнуты одной главной идеей и подчинены одному общему замыслу. Это идея исторического развития психики, ее «очеловечения». Задача, стоящая перед ним, заключается, прежде всего, в том, чтобы «выделить в развитии ребенка человеческое и только человеческое», «про-

биться из биологического пленения психологии в область исторической человеческой психологии» (Выготский, 1960, с. 170; 172).

Специфику человеческой психики, Л. С. Выготский видит в ее *опосредствованности* культурными, социальными по происхождению *знаками*, с помощью которых человек «овладевает» течением собственных психических процессов, направляет их должным образом. Такими знаками являются речь, мнемотехнические средства вроде узелков, зарубок и т. д. (С этой теорией сочетается развиваемый им тезис о разных генетических корнях мышления и речи) (Выготский, 1929; 1956). Например, в целях лучшего использования своей памяти можно применить специальное знаковое средство: завязать узелок, который служит стимулом-средством для соответствующего психического процесса (памяти). В высшей (культурной) психической функции «...функциональным определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления. Подобно тому, как применение того или иного орудия диктует весь строй трудовой операции, подобно этому характер употребляемого знака является тем основным моментом, в зависимости от которого конструируется весь остальной процесс» (Выготский, 1960, с. 160) высшая психическая функция. Еще более резко этот вопрос поставлен в одной из предыдущих его работ (Выготский, Лурия, 1930).

Из социальности знака как средства направления человеческого поведения и психики ближайшим и непосредственным образом выводится социальность последней. Очень отчетливо это выступает на примере слова, вообще речи, рассматриваемой в качестве одного из знаков. Речь – это «социальный механизм поведения». Благодаря такому знаковому средству осуществляются «социальное воздействие» на личность и вообще «социальная детерминация» поведения человека (например, воздействия на индивида с помощью речи и в процессе общения). «Слово, по Жанэ, первоначально было командой для других... потому-то оно и является основным *средством овладения* поведением... Жанэ говорит, что за властью слова над психическими функциями стоит реальная власть начальника и подчиненного, отношение психических функций генетически должно быть отнесено к реальным *отношениям между людьми*. Регулирование посредством слова чужого поведения постепенно приводит к выработке вербализованного поведения самой личности» (Выготский, 1960, с. 194). Иначе говоря, как формулирует этот тезис и Л. С. Выготский, в процессе развития ребенок начинает применять по отношению к себе те самые формы поведения, которые первоначально другие – применяли по отношению к нему: ребенок *усваивает социальные* формы поведения и переносит их как бы внутрь, на самого себя. Знак всегда первоначально является Средством внешней социальной связи, средством воздействия на других и только потом оказывается внутренним средством воздействия на себя.

В качестве частного примера этой очень общей закономерности Л. С. Выготский приводит следующий факт из исследований Д. Болдуина, Ж. Пиаже и др. «Высшие» функции мышления (рассуждение, доказательство и т. д.) сначала появляются в коллективной жизни детей в виде спора между ними и только затем как бы «переносятся внутрь самого ребенка». Рассуждение, доказательство можно рассматривать как внутренний спор с самим собой, т. е. перенесение спора извне внутрь.

В данном контексте внешнее означает для Л. С. Выготского социальное. Следовательно, всякая «высшая» *психическая* функция была вначале внешней, поскольку она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией; «она была прежде *социальным отношением двух людей*» (Выготский, 1960, с. 197) (подчеркнуто мною – А. Б.) (в вышеуказанном смысле слова). Поэтому в ее развитии всё внутреннее первоначально было внешним (в развитии «низшей» психической функции, наоборот, вначале всё было внутренним). Он критикует прежнюю психологию за то, что она из индивидуального поведения пыталась вывести социальное, тогда как, наоборот, нужно сперва показать, как из форм коллективной жизни возникает индивидуальная реакция. По его выражению, развитие идет к *превращению*

общественных отношений в «высшие» психические функции. Прежние психологи полагали, что психическая функция есть у индивида в готовой или зачаточной форме, в коллективе она лишь развертывается, усложняется и т. д. На самом же деле, высшие «функции сперва складываются в коллективе в виде отношений детей, *затем становятся психическими функциями личности*» (подчеркнуто мною – А. Б.) (Выготский, 1960, с.199).

За игнорирование этого обстоятельства Л. С. Выготский критикует, в частности, теорию детского мышления, развитую в ранних работах Ж. Пиаже. Основную линию критики он резюмирует следующим образом: действительное движение процесса развития детского мышления совершается не от индивидуального к социализированному (как у Ж. Пиаже), а от *социального к индивидуальному* (Выготский, 1932).

Таким образом, с помощью знаков как «общественных органов» или «социальной силы» человек овладевает своим поведением, «низшими» (натуральными) психическими функциями. Его поведение становится произвольным, волевым, разумным, специфически человеческим. Так на основе низших психических функций возникают и развиваются высшие, культурные функции. Благодаря социальным по своей природе знакам человек определенным образом «направляет» и регулирует свое мышление, внимание, память и т. д.

Не ставя себе целью дать изложение и оценку всей этой многообразной концепции Л. С. Выготского, отметим лишь некоторые результаты его работ, существенные для понимания его исследований по мышлению.

Разработка Л. С. Выготским основной для него идеи о знаковой опосредствованности человеческой психики имела в свое время глубокий, принципиальный смысл, а потому и определенное историческое оправдание. Тогда представлялось возможным именно таким способом преодолеть идеалистическую трактовку психики. Эта возможность вытекает из того, что знак, т. е. внешнее, социальное средство, находящееся, (подобно орудию труда) вне организма и потому «отделённое» от личности, как бы извне формирует сознание: функции сперва складываются в коллективе в виде отношений между людьми, «затем становятся психическими функциями личности» (см. выше).

Поэтому особое и наибольшее, внимание Л. С. Выготский уделяет речевому, словесному знаку. Именно речь носит на себе наиболее явные «признаки социогенного (социального) происхождения». По его словам, с момента овладения языком всё внутреннее развитие ребенка из *животной* фазы (биологической) переходит в собственно-человеческую (социальную). Язык приобщает ребенка ко всему духовному опыту человечества и делает возможным развитие «высших» психических функций (обобщение, суждение и т. д.) (Варшава и Л. С. Выготский, 1931). Вот почему роль речи, рассматриваемой в качестве важного знакового средства психического развития, оценивается исключительно высоко. Например, в ряде случаев, отстаивая тезис о единстве мышления и речи, он прямо пишет об интеллектуальной функции речи: последняя имеет не только функцию общения, но и функцию мышления (т. е. мышление является функцией речи) (Выготский, 1934). Во всяком случае, в единстве мышления и речи ведущим для него является не первое, а второе. Такое понимание речи неразрывно связано с его трактовкой вообще всякого знака.

Как, известно, Л. С. Выготский вначале понимал знак (в частности, словесный) чисто формалистически, первое время, вовсе игнорируя даже его значение (что неоднократно отмечалось его критиками еще в 30-е и 40-е годы). Это обнаруживается, прежде всего, в его трактовке взаимодействия субъекта с объектом, как оно выступает в поведении, деятельности. Знаковое стимул-средство искусственно вводится в ситуацию и, по его словам, не имеет – само по себе – к ней и к ответной реакции человека *никакого* отношения. Знак *ничего* не изменяет в объекте психологической операции...», он *не имеет дела непосредственно с объектом*, субъект проявляет свою «активность по отношению к себе, а не к объекту» (Подчеркнуто мною – А. Б.) (Выготский, 1960, с. 125).

Человек сам определяет и направляет свое поведение при помощи знаковых средств, направленных, в свою очередь, не вовне, а внутрь, на субъекта, на овладение поведением. Такова «автостимуляция», т. е. создание и употребление субъектом искусственных стимулов-средств и определение с их помощью собственного поведения; отсюда определенная «направленность», детерминированность деятельности.

Как совершенно очевидно, детерминация поведения, «деятельности выступает здесь *только* со стороны субъекта, идет только от него. Разрушаются единство и взаимодействие субъекта, с объектом: последний либо вообще выпадает, либо в лучшем случае не рассматривается как основа этого единства и взаимодействия. Понимание знака как средства психического развития и, прежде всего, как средства направления психических операций необходимо приводит к отрыву средства от того, средством чего оно является, вообще к полному *разрыву между «направляющим» и «направляемым»* (как бы ни трактовалось то и другое). И это тем очевиднее, чем большая роль приписывается знакам в психическом развитии, например, роль «производящей причины» высших психических функций (см. дальше).

Аналогичный вывод вытекает из анализа той же проблемы уже непосредственно с точки зрения соотношения социального, культурного и биологического, натурального, т. е. в плане взаимосвязи между «высшими» и «низшими» психическими функциями. Согласно общепризнанному и справедливому мнению, Л. С. Выготскому все же не удалось преодолеть очень и широко распространенный в психологии того времени *дуализм социального и биологического* (например, Менчинская, 1934). Здесь существенно отметить лишь одно из проявлений такого дуализма, без чего невозможно понять его исследования в области психологии мышления.

Л. С. Выготский исходит из того общего положения, что «высшие» психические функции образуются на основе «низших». И действительно, никак иначе нельзя раскрыть единство и преемственность психического развития. Однако конкретизация в его работах этого общего тезиса вызывает ряд возражений.

Л. С. Выготский, прежде всего, подчеркивает, что именно естественные, натуральные процессы «образуют состав» высших форм человеческого поведения, причем в такой степени, что всякая высшая форма может быть всегда «полностью и без всякого остатка» разложена на составляющие ее естественные элементарные нервно-психические процессы. О преобразовании (см.: Рубинштейн, 1934) низшего, входящего в состав высшего и образующего его «корни», почти ничего специально не говорится. (Такова позиция и некоторых других психологов, например, П. П. Блонского.) Скорее наоборот, отмечается, что первым признаком всякого развития является *неизменность* «субстрата, лежащего в основе развивающегося явления». По его словам, каждая высшая ступень в развитии не сменяет, а «снимает», т. е. отрицает низшую, но отрицает, не уничтожая ее, а, заключая ее в себе как «снятую» категорию, как свой составной момент (Л. С. Выготский в этой связи напоминает о «двойственности» гегелевского, понятия «снятия»: устранения и вместе с тем сохранения) (например, Выготский, 1931).

В то же время, «высшие», т. е. культурные психические функции, глубоко специфичны, поскольку они возникают и развиваются на основе функционального употребления слова-знака. Благодаря этому появляются новое «сочетание», комбинация, интеграция и организация «низших», натуральных функций, их определенная «направленность».

Итак, с одной стороны, «высшие», культурные, искусственные (как они вначале иногда назывались) функции могут быть полностью сведены к «низшим», естественным, остающимся без существенных изменений в ходе развития. С другой стороны, в тех же высших, искусственных функциях возникают интеграция и «направленность» низших. Высшие, «искусственные акты суть *те же* естественные, они могут быть без остатка, до самого конца разложены и *сведены к* этим последним... Искусственной является комбинация (конструкция) и *направленность*, замещение и использование этих естественных процессов» (Подчеркнуто мною – А. Б.) (Выготский, 1960, с. 225), т. е. натуральных функций. Как же тогда появляется «направлен-

ность» психических операций? Откуда она берется? В несколько иной форме вновь выступает все тот же разрыв между «направляющим» и «направляемым». В этой связи надо учесть следующие положения Выготского.

Человек «овладевает» своим поведением, своими психическими процессами и направляет их с помощью культуры, культурных средств-знаков. Овладение собой – это воля, это – осознание своих действий, в результате чего они становятся произвольными, разумными, свободными и т. д. Но овладеть можно только тем, что уже есть, уже существует. Поэтому овладение своим поведением, своими психическими операциями означает овладение именно натуральными, «низшими», естественными функциями. «Овладение психологическим орудием (знаком – А. Б.) и при его посредстве своей собственной *естественной* психической функцией всякий раз подымает данную функцию на высшую ступень...» (Подчеркнуто мною – А. Б.) (Выготский, 1960, с. 231), т. е. в результате возникает высшая, культурная функция.

Несколько огрубляя, можно сказать, что при таком понимании *высшие* психические функции – это *низшие* плюс *овладение* ими через знак (с помощью воли, использующей культурные средства-знаки). Или иначе: «высшие» функции суть «низшие» плюс их организация (направленность, структура и т. д.). Например, интеллектуальная реакция есть навыки в их системе (организации); а вообще мышление основывается на «вмешательстве» воли в представления, по мнению Г. Геффдинга (мышление – это представления плюс воля). Высшие функции суть низшие в их новом сочетании.

П. И. Зинченко отмечает, что специфическим и самым существенным для характеристики человеческой психики в концепции Л. С. Выготского «было признано *овладение* психикой натуральной, естественной, биологической через использование вспомогательных психологических средств», т. е. знаков; овладение натуральной психикой и «делает» ее специфически человеческой (Зинченко, 1939, с. 152–153).

Таким образом, культура, культурные средства-знаки и воля человека, посредством них овладевающая поведением, играют решающую роль как фактор «направленности» психических операций. Но «культура *ничего не создает*, она только использует данное природой, видоизменяет его и ставит на службу человеку», точно так же и «воля нигде не создает...» (подчеркнуто мною – А. Б.) (Выготский, 1960, с. 173).

Значит, при овладении (осознании и т. д.) низшими функциями как будто бы не возникает ничего нового; это развитие тезиса о сведении высшего к низшему. С другой стороны, именно овладение низшими функциями приводит к возникновению нового; «новым является направление» психического процесса, его конструкция, структура и т. д. (Следовательно, новое возникает *только* извне). (Выготский, 1960)

Это неразрешимое противоречие в несколько иной форме обнаруживает отмеченный выше разрыв между знаковым средством и тем, средством чего оно является, между «направляющим» и «направляемым», вообще между «высшими», культурными психическими функциями и «низшими», биологическими функциями.

К аналогичному результату приводит не только развитая Л. С. Выготским трактовка соотношения между социальным и биологическим, но также и его понимание взаимосвязи между «социальным и индивидуальным» в психическом развитии.

С одной стороны, Л. С. Выготский, конечно, целиком прав, когда он отвергает формулу Ж. Пиаже: от индивидуального к социализированному (в развитии детского мышления). Эта формула действительно утверждает изначальную «асоциальность» ребенка, вытесняемую потом давлением общественной среды извне. Критика работ Ж. Пиаже с таких позиций имела в то время очень большое значение. Это несомненная заслуга Л. С. Выготского в борьбе с натурализмом в психологии.

Вместе с тем, однако, собственные, позитивные выводы Л. С. Выготского в этой области требуют существенного корректива. В его формуле «от социального к индивидуальному» (см.

выше) то и другое также соотносены еще чисто внешне. Социальное обычно сводится при этом к непосредственно коллективному и первоначально как бы исключает индивидуальное (Выготский, 1960). На самом же деле, индивид (также и в его «становлении») «не менее» социален, чем коллектив. Нет социального «до» или «без» индивидуального. Индивид и коллектив «одинаково» социальны. Только на такой основе можно ставить и решать проблему индивидуального и общественного в сознании, вообще в психике человека. Тогда различие между *общественным* индивидуальным не выводит последнее за пределы социального (см. § 5).

В конечном счете у Л. С. Выготского всё сводится к одной проблеме: что является «источником» человеческой психики – низшие, *натуральные* психические функции или *социальные* отношения? Высшие психические функции – это осознание низших функций или «превращение» социальных взаимоотношений? При отмеченном выше дуализме социального и биологического оба «источника» психического у человека исключают друг друга. К тому же в его концепции оставалась реальной опасность трактовки социального как взаимодействия только сознаний (ребенка и взрослого) – вне материальной практики (см, например: Гальперин, 1959). Поэтому сознание выступает прежде всего как осознание *непосредственно* низших психических функций или социальных отношений (причем последние сводятся лишь к идеальным). Здесь не учтено должным образом, что осознание переживания – это всегда *не замыкание* его во внутреннем мире, а соотношение его с внешним предметным миром, с объектом (см.: Рубинштейн, 1935). Во всяком случае, здесь не является исходным положение о том, что взаимодействие субъекта с объектом есть «источник» развития человеческой психики.

Исходные принципы культурно-исторической теории психики, определившие все исследования Л. С. Выготского и в области психологии мышления, в последние годы его жизни (начало 30-х годов) претерпели, как известно, некоторые существенные изменения. Это, однако, не противоречит, а скорее соответствует его мнению о том, что генеральная линия его работ «все время неуклонно развивалась в одном основном, взятом с самого начала направлении» (Выготский, 1934, с. 3).

В ходе развития своей концепции и под влиянием критики современников Л. С. Выготский прежде всего начинает преодолевать чисто формалистическое понимание знака, который, как мы видели, играет, по его мнению, решающую роль в формировании «высших» психических функций. Если первоначально он вообще игнорировал и специально не учитывал значения у знака, то впоследствии он все большее внимание начинает уделять именно смысловой, содержательной стороне знакового средства психического развития. Поскольку *значение слова* (словесного знака) рассматривается им как *понятие*, а формирование и функционирование понятий составляют для него человеческое *мышление*, то становится ясным, что именно исследование последнего (вместе с речью) играет все более важную роль в развитии его концепции. Так проблема мышления и речи становится «узловой проблемой всей психологии человека, непосредственно приводящей исследователя к новой психологической теории сознания» (Выготский, 1934, с. 3). Развитие всей его концепции – прежде всего разработка указанной проблемы.

В развитии основной концепции Л. С. Выготского отчетливо, хотя и несколько условно, можно выделить три последовательных этапа – в зависимости от того, что выступало на передний план в его трактовке основного средства или даже «производящей причины» высших психических функций. В соответствии с тремя стадиями такой эволюции автора средством и причиной психического развития человека признаются (последовательно):

- 1) знак (без значения);
- 2) знак и его значение;
- 3) значение (без знака).

Эта грубая схема в действительности означает, что вначале Л. С. Выготский имел в виду знак вообще, специально и особо не выделяя в большинстве случаев его значения. Затем он

начал специально исследовать также и значение знака (прежде всего значение слова как знака). Наконец, он вообще почти совсем перестал даже упоминать о знаках как о причинах психического развития и целиком занялся только изучением значений, отождествляемых с понятиями (последовательно приведены работы, составляющие эти этапы: Выготский, 1930; 1931; 1934).

§ 2. Развитие экспериментально образованных, искусственных понятий

Разрабатывая культурно-историческую теорию психики на материале психологии мышления, Л. С. Выготский рассматривает «высшие» интеллектуальные функции тоже как сигнификативные по своей структуре, т. е. – по его словам – связанные с активным, употреблением знаков. Основное отличие таких форм интеллектуальной деятельности от «низших», элементарных, чисто-ассоциативных процессов (например, восприятия, наглядного мышления, практического интеллекта ребенка) заключается «в переходе от непосредственных интеллектуальных процессов к опосредствованным с помощью знаков операциям» (Выготский, 1930, с. 376). Общий итог всего изучения высших форм интеллектуальной деятельности с положительной стороны может быть сформулирован поэтому следующим образом: «без функции знака нет высшего поведения и мышления».

Иначе говоря, мышление выступает как оперирование словом, вообще знаком. В восприятие и мышление ребенка раннего возраста «включается» речь, постепенно организует и воссоздает их на новой основе, в результате чего умственная деятельность поднимается на высший, «культурный» уровень своего развития.

Таким образом, по выражению Л. С. Выготского, функциональное употребление «слова или другого знака» представляет собой основную и необходимую часть всего процесса мышления в целом.

С этих позиций Л. С. Выготский проводит свое *первое* систематическое исследование развития понятий у ребенка. Оно было начато в 1927 г. его сотрудником Л. С. Сахаровым, а после его смерти было продолжено и закончено Л. С. Выготским, Ю. В. Котеловой и Е. И. Пашковской.

Л. С. Выготский исходит, прежде всего, из того общего положения, что все психические функции человеку на каждой ступени развития действуют не бессистемно, не автоматически и не случайно, а в определенной «системе направленности», направляемые стремлениями, влечениями и интересами. Ключ к психическому и, в частности, умственному развитию «заложен в проблеме направленности, в проблеме движущих сил, в структуре влечений и стремлений ребенка» (Выготский, 1931, с. 180). Вместе с развитием поведения изменяются не только «механизмы» и формы поведения, но и его движущие силы.

Средством направления психических и в том числе мыслительных функций и вообще средством овладения ими являются, как уже отмечалось, знак и прежде всего словесный знак. С его помощью человек овладевает (в ходе осознания, регулирования и т. д.) своими интеллектуальными операциями и в результате приходит к логическому мышлению, т. е. к мышлению в понятиях, которые постепенно формируются у ребенка-подростка к 12–14 годам. По Л. С. Выготскому, *логическое мышление* «есть сами же *понятия* в их действии, в их функционировании». Так возникают «высшие» психические – в данном случае, интеллектуальные – функции.

«Для того чтобы ребенок пришел к логическому мышлению, нужен чрезвычайно интересный психологический механизм, развитие которого Пиаже раскрыл в своих исследованиях. Логическое мышление становится возможным только тогда, когда ребенок овладеет, подчинит себе и начнет (сознательно – А. Б.) регулировать и управлять своими мыслительными операциями... В этом смысле Пиаже сравнивает умственный опыт с логическим следующим образом: необходимость результатов нашего умственного опыта – это есть необходимость фактов.

Необходимость, вытекающая из логического опыта, обязана согласованию операций между собой» (Выготский, 1931, с. 322). Иначе говоря, как формулирует тот же тезис и Л. С. Выготский, логическое мышление, впервые возникающее у подростка, предполагает «непременно осознание и овладение» мыслительными операциями как таковыми. Логическое мышление есть сознательное и притом «опирающееся на интроспекцию», на самонаблюдение мышление. Отсутствие произвольности и осознанности своих собственных операций является, по его словам, психологическим эквивалентом отсутствия логического мышления. Только с прогрессирующей «социализацией» детского мышления происходит его интеллектуализация. Осознавая ход течения своих и чужих мыслей в процессе речевого общения, ребенок начинает осознавать свои собственные мысли и управлять их ходом. (Так конкретизируется в теории мышления общая концепция «овладения» поведением с помощью знакового средства).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.